

Аналитический центр: объектно-онтологический подход

Анисимов О. С.^{1, 2}

¹ Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Москва, Россия

² «Цивилизационные стратегии» методологический центр, Москва, Россия

ИНФОРМАЦИЯ О СТАТЬЕ:

Получено: 04.04.2018
Опубликовано: 30.09.2018

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА:

аналитика, мыслетехника, подход, технология, критерий, форма мысли, онтология, объект, дедукция, система, структура.

АННОТАЦИЯ:

В статье раскрывается объектно-онтологический подход к способам работы в аналитическом центре, компенсирующем ограниченность ситуационных центров. Вводятся основания преимуществ объектных критериев при анализе реальных целостностей социокультурного типа. Указывается на специфические формы мыслетехники в объектно-онтологическом подходе с учетом результатов разработок в семиотике, логике, методологии. Учитываются притязания на высшие результаты аналитики в рамках идеи «прорыва», изложенной Президентам РФ.

Analytical center: object-ontological approach

Anisimov O. S.^{1, 2}

¹The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Russia

²«Civilization strategy» methodological center, Russia

ARTICLE INFO:

Received: 04.04.2018
Accepted: 30.09.2018

KEYWORDS:

analytics, thinking technique, approach, technology, criterion, form of thought, ontology, object, deduction, system, structure.

ABSTRACT:

The article describes the object-ontological approach to the methods of work in the analytical center, which compensate the limitations of the situation centers. The grounds of the advantages of object criteria in the analysis of any real integrity of the socio-cultural type are introduced. The specific forms of thought technology in the object-ontological approach are indicated, taking into account the results of developments in semantics, logic, methodology. Claims to achieve the highest results in the analytics within the frame of the idea of «break-through» strategy, stated by the President of the Russian Federation are taken into account.

CITATION

Анисимов О. С. Аналитический центр: объектно-онтологический подход // Живая психология. — 2018. — Том 5. — № 3. — С. 199–212. — doi: [10.18334/lp.5.3.39368](https://doi.org/10.18334/lp.5.3.39368)

Anisimov O. S. (2018) Analiticheskiy tsentr: obektno-ontologicheskii podkhod [Analytical center: object-ontological approach]. *Zhivaya psikhologiya*, 5(3). — 199–212. doi: [10.18334/lp.5.3.39368](https://doi.org/10.18334/lp.5.3.39368)

Введение

В России, как и во всех значимых странах, возникло множество ситуационных центров(СЦ), которые сопровождают и способствуют принятию управленческих решений, что особо важно для принятия стратегических решений, судьбоносных для страны и ее функциональных частей, сфер деятельности. Накопление опыта организации и обеспечения таких центров стимулирует оценку полезности, продуктивности, эффективности этих интеллектуальных комплексов. На определенном этапе анализ деятельности СЦ, а также их соотнесенности, взаимозависимости, создания интеллектуальных условий для неслучайного обеспечения принятия и разработки решений приводит к вопросам, носящим неситуационный характер. Вносятся основания оценки и зависимость от оснований становится более значимой, чем непосредственные оценочные взгляды, «мнения» по Сократу. Так возникают вопросы «количественной» и «качественной» направленности, следовательно, от стереотипов созерцательного типа приходится обращаться к стереотипам «сущностного» типа и учитывать то, что понято было во времена Сократа, Платона и др. великих мыслителей. Такой учет осуществлялся, прежде всего, в познании при переходе к научным формам и при углублении философской мысли, введении мировоззренческих картин, при рассмотрении способов использования мирокартин, раскрытии способов построения картин, ткани конструкторской мысли, что и вело к созданию логической стороны философии.

Дойти до глубин

Первая панорама неслучайной формы конструкторской мысли построена Аристотелем и она отражала не только познавательные потребности,

но и необходимость упорядочить «практическую» мысль в позиции правителей и в судебной практике, особенно в Древней Греции, на фоне долговременной конфронтации государств-полисов, противопоставления интересов и действий противоположных парадигм организации государств, преобладание либо сетевого демократизма, например, Афин, и иерархического предопределения, например, Спарта. От успеха в согласовательных усилиях зависела судьба государств и динамика Пелопонесской войны, а также внутренняя динамика жизни обществ. В ходе соприкосновения в согласованиях логическая форма привлекалась крайне предварительно, но включение аргументации и оснований осуществлялось регулярно, что показано Фукидидом в его «Истории».

Созидание империй снизило актуальность обоснований в силу преобладания организационной иерархичности в правлении и вытеснения согласовательности на периферию, вместе с мыслительной противопоставительностью. Это произошло и в Персии, а затем и в Риме, хотя инерция противопоставления претендентов на высшую власть консульского уровня, а затем и императорского уровня сохраняла динамичность противоречия и ораторства, но подчиняла давлению интересов и эгоистической энергии. «Истина» переставала быть фактором дискуссий, заменяясь «убедительностью», продвижения мнения, подкрепленностью психическими манипуляциями и силовой поддержкой.

Постепенно значимость организации дискуссий и выделения критериального обеспечения, позиции внесения оснований для оценки мнений восстанавливалась, особенно на фоне складывающихся дискуссий в теологии и в «деловой», торговой и иной практике, в том числе и в ходе индустриализации, в конкуренции религиозных идей, идеологических споров и т. п. В немецкой классической

философии потребность в арбитражном звене дискутирования в науке и практике стала принципиально рассмотренной и «заготовки» времен Аристотеля заменились фундаментальным дополнением и углублением, вместе и с тем, что накоплено в постаристотелевский период. Гегель завершил углубление и создал «абсолютный метод» организованного мышления, совместив потенциал прежней логики и онтологии. Маркс применил ряд моментов этой новой, «диалектической» логики и создал углубленную версию политэкономии, интерес к «диалектическому материализму», насытил политическое мышление сущностно значимыми основаниями, стимулировав взлет революционной практики и перестройку миропорядка, дошедшей до России, создания СССР. Акцентировка в СССР на диалектику в организации мысли управленцев и их обеспечивающих интеллектуальных сервисов совместилась с взлетом фактора математического моделирования в мировой интеллектуальной, прежде всего, управленческой, практике, что стало очевидным и в «атомных проектах» США и СССР. Механизм принятия решений стал крайне сложным, но способствующим разработке стратегических решений. Примером может служить моделирование решений в будущей войне группой под руководством П. Г. Кузнецова. Наступала эпоха создания ситуационных центров.

Но главенство математического моделирования снижало роль организации коллективного мышления, и восстановление его значимости связано и с возникновением методологического движения в середине 1950-х гг., выделением группы Г. П. Щедровицкого, подхватившей импульсы логических разработок и вовлекшей фактор рефлексивности, в том числе через разработки В. А. Лефевра. В среде методологов отчужденность логико-семиотических форм преодолева-

лась рефлексией «живых» дискуссий и их арбитражно-критериального обеспечения. Так возникла «методологическая парадигма». Но она смогла освоить потенциал «рассудочности», остановившись перед «разумом» и его диалектической основой, по Гегелю, выраженной в диалектической дедукции. В конце 1970-х гг. возникла «гегельянская» версия парадигмы методологии в ММПК (Московском методолого-педагогическом кружке). Осуществилось соотнесение прагматически ориентированного инструментария рефлектирующей мысли и «надпрагматического», онтологического. Это отразилось и на мыслительных технологиях в игромоделировании и в дискуссионной практике, в подготовке методологов. Методологический фактор получил свои «рассудочный», практикозначимый и «разумный», онтологический уровни. При созидании СЦ эти уровни создавали разный уровень аналитического потен-

„ Главенство математического моделирования снижало роль организации коллективного мышления, восстановление его значимости связано и с возникновением методологического движения в середине 1950-х гг.

The primacy of mathematical modeling reduced the role of the organization of collective thinking and restoration of its importance is connected with the emergence of methodological movement in the middle 50-s.

циала, что отразилось на практике игромоделирования 1980–90-х гг. Но сами СЦ почти не использовали эти уровни потенциала организованной мысли, они соответствовали критерию «количества», а не устремлялись к «качеству» механизмов мысли. Это отражалось на снижении качества решений, особенно стратегических, на неспособности совмещать разнородные программы государственной значимости, на сохранении случайности как фактора «мнений экспертов» и т.п. Логика оставалась вне рефлексивной практики и аналитики, и она лишь невнятно упоминалась на фоне «ясности» математических моделей. Но понимания слабой онтологичности математических моделей, их формалистичности в интерпретациях, что раскрыто еще Гегелем, не возникало при сохранении иллюзий, что в математике культура мышления адекватно выражала онтологию общества и т.п.

В самом ММПК первоначальная акцентировка оставалась лишь косвенно онтологической в рамках использования «метода Гегеля» и сохранения общего онтологического фона при оперативности мыслетехники, сконцентрированной в МРТ (методе работы с текстами, оформленном в середине 1970-х гг. после интенсивной практики конспектирования в начале 1960-х гг.). Именно МРТ определил путь «гегельянской» мыслетехники и всей панорамы потенциала инструментов ММПК, способов формирования культурно-мыслительных способностей. Большая онтологизация парадигмы ММПК началась в 1997 г. через «возрождение» открытий «тайн «3», «7» в начале 1980-х гг. по инициативе В.С.Б. Базырова. Оперативными стали понятия «универсум», «нечто» в универсуме, типология онтологических акцентировок. Доопределено было и понимание «культуры», типов культур, следуя «подсказкам» Гегеля. Именно онтологические доопределения в контексте мыслетехники

позволили в 2006 г. ввести понятие «цивилизация» на фоне исторических реконструкций, в частности, гибели Шумера. К 2007 г. в ММПК достроилась большая парадигма для стратегического моделирования, начатого в 1999 г., а с 2001 г. еще и в форме написания диалогов с персонажем «Президента». Моделирование принятия стратегических решений на материале истории помогло и в реконструктивной рефлексии, с переносом на игромоделирование. Мы стали готовы к соучастию в работе СЦ. Однако попытки войти в имеющиеся СЦ были предварительными с осознанием того, что без понимания роли мыслительных средств в рефлексии, в арбитражной позиции представители СЦ нас не будут воспринимать как «полезными», так и играющими ключевую роль в осуществлении рефлексивных циклов. Они удовлетворялись самостоятельным употреблением всех ключевых слоев логико-семиотического и даже объектно-онтологического ряда, оставаясь в уровне индивидуализированных «смыслов» вне «значений» и «понятий», «категорий».

Интеграция группировки ММПК в «Ассоциацию аналитики» в 2013 г. привела к соприкосновению с сообществом аналитиков, которые смогли поставить рефлексивно-критериальные вопросы о «сущности» аналитики, отличиях аналитической рефлексии (например, В.В. Легуновский) и ее парадигмы, отличаясь от разлитой рефлексии в рефлексивном подходе (например, В.А. Лефевра-В.Е. Лепского). Это был «зов» понятизации, инструментализации рефлексивной практики и он имел как «рассудочный», так и «разумный» уровни. Интеграция методологической группы в «ассоциацию» и определение ее миссии в рефлексивно-аналитическом сообществе, создание Научно-методического совета по методологии в 2013 г., проведение Общероссийского форума методологов в 2014 г., доопределение роли методологии в по-

вышении «качества» аналитики, создание по инициативе В. В. Летуновского «Словаря аналитики», а затем и его «продолжения», как парадигмы «цивилизационной аналитики» в 2015 — 2017 гг. привело к возможности явно разделить инструментарий аналитиков на уровни инструментализированной прагматики и инструментализированной онтотехники, высшей мыслетехники, адекватной именно стратегической и цивилизационной аналитике.

Где качество, там и сущность

В ММПК в 2016–2018 гг. были созданы проектные образы будущей России и мира в рамках «российского», «евразийского» и «мирового» проектов, что было инициировано В. В. Летуновским после методологического форума, осознавшим неизбежность обращения к методологам «разумного» типа как адекватным заказу на построение образа России будущего и вообще «идеи» России, ее «идеала». Эти образы невозможно создать без критериально-культурной подготовленности, которая существует лишь в методологии, обладающей развитой рефлексивной самоосознанностью.

Участие в конференции в МГУ по поводу 20-летия СЦ при Президенте РФ, где был поставлен вопрос о совершенствовании механизмов СЦ и их сопряженности во благо управления страной, выявило неготовность представителей СЦ ответить на вопрос неслучайным образом, так как в сознании ситуации господствовал эмпиризм и количественный подход. Выступление альтернативных авторов, прежде всего, О. С. Анисимова и О. А. Ланова, представителя СЭВ, быстро понявшего особую роль группы ММПК, осталось без серьезного реагирования при сохранении рядом участников конференции симпатии лично к О. С. Анисимову. С другой стороны, после издания

” В конце 1970-х гг. возникла «гегельянская» версия парадигмы методологии в ММПК (Московском методолого-педагогическом кружке).

At the end of the 70-s there was «Hegelian» version of the paradigm methodology in MMPK (Moscow methodological-pedagogical circle).

словарей в 2015–2017 гг. в планировании 2018 г., группа ММПК, в рамках НМС по методологии, возникло устремление к созданию «Каталога объектов аналитики». Это определялось как соотносением «количественного» и «качественного» подходов, так и онтологическим различием Аристотеля «формы» и «материи», методологическим различием «формы» и «морфологии», как моментов «нечто» в рамках «системного» (не «структурного») подхода. Именно это лежит в основании понятия «объект», и оно не используется в аналитике сколько-нибудь организованно, чаще просто не используется, что делает аналитику «дообъектной», следовательно, и онтологически незначимой. Нельзя управлять тем, что не имеет объектной основы и понимается структурно (не системно), обладает именно структурной устроенностью. Нельзя перейти от использования в реконструкциях, проблематизации, прогнозировании, проектировании макросистем, от следования критерию «результативности» к критериям «продуктивности» и «эффективности», тем более эффективности высокого уровня, к антикризисным действиям и развитию, к «прорыву» и т. п. вне достижения в устройстве

управляемого объектных и объектно-онтологических качеств. Это было подчеркнуто еще в 1980-х гг., а затем в 2000-х гг. в стратегических разработках ММПК. Тем самым в имеющихся СЦ критерии уровня «нечто» и «объекта» не используются, а аналитика покоится на введении «процессов», их «цепей», «иерархий», графическом оформлении, соотнесении, коррелированности графиков, дающих количественные картины с наивно-спекулятивной качественной интерпретацией в прогнозах и проектах. Этому способствует и линия разработок «цифровой» экономики и общества, а также «сетевой» подход к организации общества. Качественно-сущностная сторона аналитики остается вне использования.

В рамках программы по теме «Объекты аналитики» в июле 2018 г. был проведен игромодельный цикл, модуль, в котором в качестве материала была взята версия современного СЦ группы А. В. Шевырева. Для ускорения прихода к результатам реконструкции взгляда мы осуществили реконструкцию в форме конспекта, размноженного и выданного игрогруппам. По согласованию выделили четыре группы. Первые три стали «дифференцированными», а чет-

вертая — «интегральной». Три группы рассматривались как «цеховые», имеющие свои дифференциальные цели (схематизация — схема содержания «описания» СЦ; применения прагматически ориентированного критерия; и применение онтологического критерия, что дает прагматический и онтологический образы СЦ). Первая группа технологически заимствует «процессуальный» подход и идентифицируется со сложившимся стереотипом работы СЦ. Вторая группа технологически вводит объектный подход, а третья — ме-таобъектный, онтологический подход. Она еще была названа «культурной», так как оперировала высшими критериями. Четвертая группа использовала дедукцию, диалектику, что позволяло совместить потенциалы прагматической и онтологической групп, а также и первой группы, дающей материал для применения критериев «среднего» и «высшего» уровней.

Предполагалось, что первая группа уподобляется привычной практике аналитики по критерию «процессуальной непрерывности», не входящему в системную парадигму и выражающему ее наиболее легко выполнимую составляющую (процессы). Она лишь «уплотняет» содержание образа СЦ в схематизации материала, дает более удобную «заготовку» версии. В то же время эта заготовка отдается другой группе, как материал для «обработки» на «мыслительных станках» прагматической мощности, что превосходит потенциал обычной аналитики. В третьей группе результат второй группы берется наряду с исходным материалом в качестве материала для «обработки» на «культурных станках», что превосходит потенциал прагматической обработки и приближает к сущностному уровню результата аналитики. В четвертой группе все результаты замещаются в версии, где совмещаются результаты разных уровней на диалектико-дедуктивной основе, придается «истинность»

” В ММПК в 2016–2018 гг. были созданы проектные образы будущей России и мира в рамках «русского», «евразийского» и «мирового» проектов.

In 2016-2018, MMPK created project images of the future Russia and the world within the framework of the «Russian», «Eurasian» and «world» projects.

как «верхней», так и «нижней» сторонам версии, прагматизируется истинность содержания с сохранением истинности. Общим результатом становится метаобъектная версия, обладающая высшей неслучайностью.

Группы идентифицировались с позиционно определенными персонажами, «кадрами» СЦ, превращались в мыслительных работников аналитического «предприятия» со своими «станками», «инструментами», «руководителями» (игротехники), обязанностями, ответственностью, технологиями, «правовыми» рамками, морально-нравственными устоями, кооперативными связями, коммуникацией взаимодействий и т. п. Предприятие «имело» три цеха дифференциального типа в «продольной» кооперации и один «сборочный» цех, ответственный за появление «продукта» предприятия. Для организации работы коллектива применялась, в качестве критерия схема «Социо-техническая единица» и ей соответствующие средства деятельностного и социокультурного подходов. Единая линия предполагала совмещение «додеятельностной», «деятельностной» и «постдеятельностной» компонентов кооперации. Все дополнительное рассматривалось как сервисное обеспечение. Тем самым само оформление версии СЦ превращалось в преобразование СЦ дообъектного типа в СЦ объектного, а затем и метаобъектного, культурозначимого СЦ. Этим базисный процесс объектного преобразования СЦ стал базисным процессом и создания аналитического предприятия метаобъектного уровня, так как исходный материал служил ориентиром в конструировании процессов, характерных для частей «предприятия», цехов по критериям уже не мыслительно-рефлексивного типа, а по критериям деятельностного типа, но включающим сам мыслительно-рефлексивный процесс оказания «помощи» управленческому заказу на рефлексии.

Если созидаемый центр в мыслительном (проектном) измерении является «изделием» рефлексивного, мыслительного процесса в устремлении совершенствования мыслительного образа объекта рефлексии, то при материальном воплощении необходимо иметь позиционных воплощателей, кооперативную связь между ними, все необходимое обеспечение их мыслительной работы, готовность и способность к решению частных рефлексивно-мыслительных задач, образовательное обеспечение при недостаточности имеющихся способностей в решении новых или более сложных задач в их рефлексивной содержательности и т. п. Тем самым должна быть построена деятельностная кооперация по критериям социокультурного и деятельностного типов, хотя сами «деятели» предстают как рефлексивные мыслители.

Деятельностные кооперации выстраивает управленец со своими сервисами. Но в рефлексивном пространстве он должен учитывать кооперативность не в материальном преобразовании, а в мыслительных процедурах и замещениях первичного материала представлений, выраженных в текстах, конструктивными средствами мысли, выраженными в текстах и схемах (рис. 1).

Рис. 1. Кооперативное конструирование (составлено автором)

В обычной кооперации кооперанты вводят рефлексивные (реконструктивные, «проблематизационные», прогностические, проектные) гипотезы и согласуются друг с другом, оставаясь вне явного применения критериев. В случае использования критериев их интеллектуальный процесс, построение высказываний меняется, подчиняется логической форме, появляется ответственность за основание, его применение, обоснование, зависимость от содержания критерия при одинаковом исходном материале (информации), ответственность за реагирование на основание, имеющееся у других и т. п. Рефлексивное самовыражение заменяется собственно мышлением, переходом от текста к тексту, от схемы к схеме, пересхематизацией, контролем за ней у себя и у других, корректностью перехода от понимания

к критике и т. д. Результат взаимодействия перестает быть случайным и приобретает некоторую «неслучайность», зависящую от соблюдения требований к мышлению. Применение мыслительных средств, «предикатов» в единицах мышления (суждениях) сначала ограничивается средствами предварительной «мощности», прагматической ориентации, берущихся из науки, теоретических парадигм. Другой уровень средств вводится философией, оперирующей «всеобщими», а не «общими» инструментами, интегральными, а не дифференциальными, «однопредметными», строящимися в науках. Поэтому рефлексивное мышление может иметь разный по уровням арсенал критериев, и они обеспечивают различный уровень приближения к «истине» в аналитике (рис. 2).

Мыслетехника предполагает использование языка с самоконтролем соблюдения «технологических» требований к процессам мышления с различным уровнем требований. Поэтому соблюдающий требования в оперировании научными понятиями остается неадекватным требованиям к оперированию философскими понятиями. В обоих случаях необходима логико-семиотическая подготовка под контролем не только логики и семиотики, но и методолога, поскольку он имеет критериальное обеспечение не только со стороны самих форм семиотики и логики, но и всеобщих средств рефлексивной самоорганизации и внешней организации любых типов действий, включая логические и семиотические действия, а также способность входить в рефлексивное обслуживание действий на любом уровне для их критериального обеспечения.

Именно наличие объектных и онтологических форм выраженности представлений о реальности отличает мыслетехнику в методологии и делает ее «реалистичной», мирозначимой, вскрывающей иллюзорность дообъектных представле-

„ Образ России будущего и вообще «идеи» России, ее «идеала» невозможно создать без критериально-культурной подготовленности, которая существует лишь в методологии, обладающей развитой рефлексивной самоосознанностью.

The image of Russia of the future and in general «idea» of Russia, its «ideal» cannot be created without criterion-cultural readiness which exists only in the methodology possessing the developed reflexive self-consciousness.

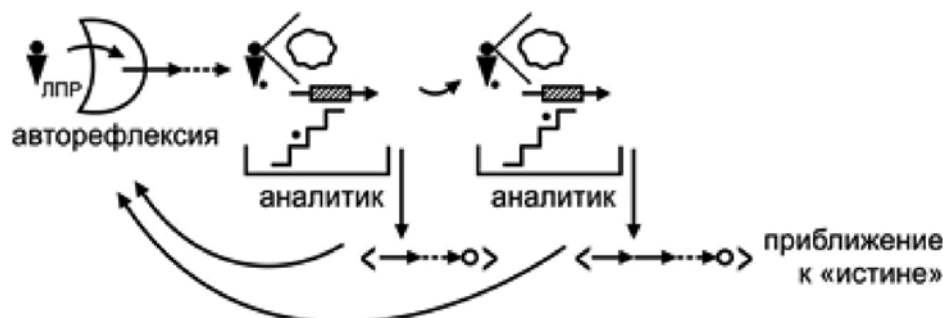

Рис. 2. Различный потенциал аналитики (составлено автором)

Рис. 3. От семинара к игромоделированию (составлено автором)

ний и иллюзорность трактовок об управляемости на основе процессуального подхода, процессуальной акцентированности в проектном управлении и т. п. Поэтому при построении объектов аналитики, мы сначала устанавливаем отношения с рефлектирующим управленцем и его организационным механизмом, в том числе иерархическим, вводим расширение рефлексивного «пространства» для внесения в него своего аналитического участия, затем создаем аналитическую кооперацию с различным уровнем мощности применяемых критериев, оформляем кооперацию по критериям «производства» и этим создаем «предприятие», временное, как в игромоделировании, или постоянное, как «центр» для воспроизводства и развития аналитики, готовые к совершенствованию и развитию самого центра. Временный, зависящий от обстоятельств тип «центра» в рамках ММПК как добровольного

творческого коллектива с меняющимися площадками и снабжением, самообеспечением мы имеем со времен начала игромоделирования, отличающегося от «семинарского» типа совместной работы (рис. 3).

Используя средства высшего уровня и сопрягая их со всеми типами парадигм в науке, философии и т. п., мы создали универсальный потенциал организованной рефлексии в «семинарском» и «игромодельном» вариантах. Поэтому и представление о «центре» сделали не ситуационным, а аналитическим и в его универсальном понимании, готовым к любым «заказам». Универсальность основывается на сочетании потенциалов индукции в обобщении, дедукции, объектности и онтологичности, на полноте воплощения результатов философии Гегеля и рефлексивно-мыслетехнического подхода к практике. В апреле 2018 г. в Великом Новгороде мы открыли первую

Наличие объектных и онтологических форм выраженности представлений о реальности отличает мыслетехнику в методологии.

The presence of object and ontological forms of expression of ideas about reality distinguishes thought techniques in methodology.

выделенную из «суеты» школу мыслетехники, использующую 40-летний опыт «выращивания» методологов и культурно ориентированных мыслителей. После начальных проб трансляции мыслетехнических способностей школа станет иметь уровни, в том числе и высшей мыслетехники для решения судьбоносных проблем больших систем.

При удобных условиях мы создадим универсальный мыслительный «инкубатор», проект которого возник в последние годы, а прототип — в 1989 г., в рамках Всесоюзного методологического центра при Инновационном объединении Академии наук при наличии с 1988 г. кафедры методологии в Высшей школе управления при Российском АПК. Универсальный инкубатор («Центр») способен организовать множество СЦ и подобных организационных единиц в единую сеть и внести гибкую иерархизацию для рефлексивного пространства страны.

Особую значимость в интеллектуальной работе вообще и в рефлексивном пространстве в частности имеет реагирование на информационный массив, предлагаемый для решения задач, постановки проблем, для понимания ситуаций, сюжетов прошлого и вариантов

будущего, в том числе при самоопределении в жизни, в различных социальных, социокультурных, идеологических, культурных, духовных и т. п. средах с намерением адекватно построить свое поведение в усложненных условиях. Для самоопределения и выработки направленности последующего поведения в новых, неожиданных, кризисных и т. п. условиях осуществляется анализ информации как фиксированной в объеме, так и с ростом возможного объема. Тем более когда либо нужно воспользоваться выбором или регулированием объема, либо регулирование осуществляется извне, в том числе с негативными замыслами и установками, с приданием высокой значимости достижению конечного результата для успешного возвращения в спокойную форму бытия. Нередко сам сюжет осознается как «задача на использование неопределенного массива информации или «бесконечного» объема для получения конкретного ответа на задачный вопрос». Как самоорганизоваться при работе с «бесконечным» объемом возможно значимой информации? С точки зрения содержательного отношения к информации, выраженной в текстах, задача является «семантической». Семантика случайно сложенных фрагментов информации в таких объемах создает трудности наибольших масштабов. Трудности снижаются, если информация упорядочена и семантически согласована в особой организации содержаний. Нередко это выражается как «семантическая конфигурация» в тех или иных масштабах, имеющая как бы «семантическую карту» с «семантическими маршрутами». Но это возможно лишь при использовании достаточно развитого языка, имеющего однозначную мирокартину в своей парадигме, семантической части парадигмы.

Тем самым появляется необходимость введения экстремального варианта реагирования на информацию,

порождения принципиального ответа на запрос, от которого зависит уверенность в достижении ответа на множество частных сюжетов в мышлении, опираясь на универсальный способ оперирования информацией, адекватный «бесконечному» объему. Именно к такому случаю применимо то, что сделал Гегель, решив проблему метода, гарантирующего правильность движения мысли и сохранность истинности результата на каждом этапе пути. В его терминах суть в методе показывает сама себя, исчерпывает свои атрибуты, охватывая весь объем возможной содержательности в дедуктивной конкретизации как актуализации потенциала «сути», идеи того, что демонстрирует себя в мышлении. Движение мысли в «абсолютном методе» является единственным, так как «суть» одна. «Умножение» числа движений мысли в модификациях через акцентировки и др. характеристики такого движения мысли появляются не за счет введения чего-либо по содержанию извне, не за счет произвола, конструирующей воли мыслителя, а за счет самоактуализации сути, исходного основания «клеточки». Раскрытие тайны такого воззрения достижимо лишь последовательным постижением переходов от стихийного познания и действий постигающего мышления ко все более организованному постижению, соответствующим усложнениям постигающего механизма в рамках развивающегося «духа», воздействия особой среды, мыслекоммуникативной с наличием позиции «арбитра» и «метаарбитра». В работе ММПК все эти среды создавались и изучались, подготавливая раскрытие тайн мышления и его языкового обеспечения, учитывая подобные частные разработки в мировой логике и семиотике, в философии в целом. Однако в ММПК не смогли прийти до завершения в конструировании среды в ответе на вопросы псевдогенетической логики, не смо-

гли постичь «метод» Гегеля, приблизившись к раскрытию. Они уподобились результатам Канта и Фихте, незавершенность которых в правильном движении обсуждал Гегель.

Следовательно, если дойти до конца и освоить «метод» Гегеля, то принципиальная часть в решении фундаментальной проблемы работы с бесконечным объемом обычной информации будет достигнута и будут сделаны соответствующие выводы, полезные для практики в рефлексивном пространстве. В частности, откроется перспектива «портретирования» изучаемых объектов аналитики, учитывающего особенности объектов и их динамики бытия, например, бытия цивилизаций, стран. В последнее десятилетие эти формы «портретирования» нами были созданы и опробованы.

„ Если освоить «метод» Гегеля, то принципиальная часть в решении фундаментальной проблемы работы с бесконечным объемом обычной информации будет достигнута и будут сделаны соответствующие выводы, полезные для практики в рефлексивном пространстве.

If we master Hegel's «method», then the principal part in solving the fundamental problem of working with an infinite amount of ordinary information will be achieved and appropriate conclusions will be made, useful for practice in reflexive space.

Их можно назвать «практической» дедукцией, в основе которой лежит «метод» Гегеля. Такие возможности следует рассматривать как базисную основу всей работы с информационными технологиями, и это соответствует информационно-технологическому обеспечению уверенного решения задач и проблем в универсальном центре аналитического пространства.

Если внесена упорядоченность в информационное поле и оно готово для рационального использования, внесена уверенность, что оно готово для постановки целей, задач и переходимости к проблемам, то внимание переходит к организации самих мыслительных процессов, их процессуальных единиц в различных формах, прежде всего, «задачных» и «проблемных». Сами эти формы произрастают из сюжетов внутри коммуникации. Поэтому до реализации функций рефлексивного цикла, т. е. реконструктивной, проблематизационной, депроблематизационной, необходимо соблюдение требований в понимании текста, изложении версии, критики высказывания, организации совмещения этих трех моментов цикла коммуникативного взаимодействия (рис. 4).

Вместе с осуществлением коммуникации, прежде всего, в позиции понимающего как источника требований к самоорганизации, в отличие от самовыражения в изложении мнения, появляется необходимость проверки «правильности» результата понимания и процесса, его обеспечивающего. Без получения подтверждения правильности нельзя

входить в позицию критикующего. В случае нарушения этого требования критикующий выходит из цикла и начинает иной цикл как иной высказывающий авторскую версию. Тем самым понимающий инициирует ответственное поведение в цикле и задает вопросы на «допонимание». Из этого и вырастает «задачная» форма в коммуникации, а затем она выделяется как цикл процессов в постановке и решении задач, появляются «исходные условия», «вопрос» и «ответ» как «искомое» под «неизвестное».

Умение ставить вопросы и находить ответы в дискуссиях было требованием в древнегреческой культуре коммуникации. Это обеспечивало успешность в судебных тяжбах и в разрешении противоречий в переговорах, что показано и в изложении истории Пелопонесской войны Фукидидом. Но «неизвестное» по содержанию является более абстрактным, чем «искомое», и задавание вопросов партнеру и себе предполагает осознанное оперирование абстракциями, конструктивными, обобщенными единицами семантики, наличие и владение парадигмой языка. При недостаточной определенности «неизвестного» появляются вопросы другого уровня абстрактности и ответы, возвращающие к прежнему уровню. Тогда возникает цикл постановки проблем и решения проблем. Но переход к абстракциям означает введение позиции «арбитра», а затем и «метаарбитра». Тем самым рефлексивная коммуникация опирается на готовность к постановке задач и проблем в коммуникации и при выделенности циклов задачного

Рис. 4. Первичные требования к пребыванию в коммуникации (составлено автором)

и проблемного типов мышления, при сформированности способностей к ним. Информационное поле является ресурсом в реализации таких мыслительных форм, а особым ресурсом выступают парадигмы абстракций. При введении блоков научной, философской информации выделяются предметно-научные и философские парадигмы, обеспечивающие постановку задач и проблем и саму возможность строить единицы «вопрос — ответ», их последовательности.

Вышеуказанное предопределяет требование к коммуникации и мышлению во взаимодействиях в СЦ и аналитическом центре, к переходам от организации мышления под начальные критерии, например, «процессуальной непрерывности», к соблюдению критериальных средств более сложного типа, в частности, средств «объектного» и «метаобъектного» типа. Объектная семантика вписывается в системную аналитику, а метасистемная, онтологическая — в метасистемную аналитику. Но именно эти типы семантического оперирования и неразвиты в реальных процедурах в СЦ, удерживая качественное совершенствование, продуктивность и эффективность таких центров, сохраняя отдаленность от опоры на культуру мышления, предопределяя случайность тактических и стратегических разработок.

Выводы

Игромоделирование по теме «Объекты аналитики» при рассмотрении в качестве материала версии устройства современного СЦ показало и в этот раз, что переход в самоорганизации позиционеров СЦ с уровня докритериального осуществления всех процедур в рефлексии, в аналитической рефлексии на уровне критериального самообеспечения осуществляется крайне сложно, а при отсутствии опыта пользования рефлексивно-критериальными средствами —

не происходит, остается «стихийным» при полной свободе терминологического оперирования, близкого для риторики реально пользующихся соответствующими понятиями. Причина и состоит в отсутствии объектно-онтологической подготовки аналитиков, наличия соответствующего мирознания, прежде всего, «мира» деятельности и мышления. Знание этих миров ограничивается процессами и их комплексами на структурном уровне видения причин процессуальной активности. Обретение объектной мыслетехники, тем более онтологическим уровнем этой мыслетехники является абсолютным приоритетом в совершенствовании работы СЦ и всех иных типов аналитики.

Именно объектный подход делает очевидным зависимость организации совместной деятельности и мышления, особенно рефлексивного мышления, от следования принципам «сетевого» и «иерархического» типов, их совмещения и гармонизации. Такая зависимость предстает базисной в созидании механизмов макросистем, таких как государственное управление, и общества в целом. Китай демонстрирует успехи в подобной организации страны на социалистической платформе. Он во многом учитывает опыт СССР и сближается с общими принципами ведического устройства общества.

ИСТОЧНИКИ:

1. Анисимов О. С. Мышление стратега: модельные сюжеты // Стратегический инкубатор, 2012. — № 29.
2. Анисимов О. С. Аналитика: зов перепарадигматизации. — М., 2014.
3. Анисимов О. С. Стратегический проект цивилизационного обновления и развитие России: XXI век и образ будущего России и мира (версия СЭВ и ММПК). — М., 2017.

4. Анисимов О.С. Мышление стратега: модельные сюжеты // Управленческие решения и стратегическая аналитика, 2018. — № 52(1-2).

REFERENCES:

- Anisimov O. S. (2012). *Myshlenie stratega: modelnye syuzhety* [The mindset of a strategist: model plots]. *Strategicheskii inkubator*. (29). (in Russian).
- Anisimov O. S. (2014). *Analitika: zov pereparadigmatizatsii* [Analyst: call of preparadigmatic] M.. (in Russian).
- Anisimov O. S. (2017). *Strategicheskii projekt tsivilizatsionnogo obnovleniya i razvitiya Rossii: XXI vek i obraz buduschego Rossii i mira*

(*versiya SEV i MMPK*) [Strategic project of civilizational renewal and development of Russia: XXI century and the image of the future of Russia and the world (CMEA and MMPK version)] M.. (in Russian).

Anisimov O. S. (2018). *Myshlenie stratega: modelnye syuzhety* [The mindset of a strategist: model plots]. *Upravlencheskie resheniya i strategicheskaya analitika*. (52(1-2)). (in Russian).

Сведения об авторе:

Анисимов Олег Сергеевич, доктор психологических наук, профессор, профессор кафедры акмеологии и психологии профессиональной деятельности, руководитель
E-mail: humani12@mail.ru

